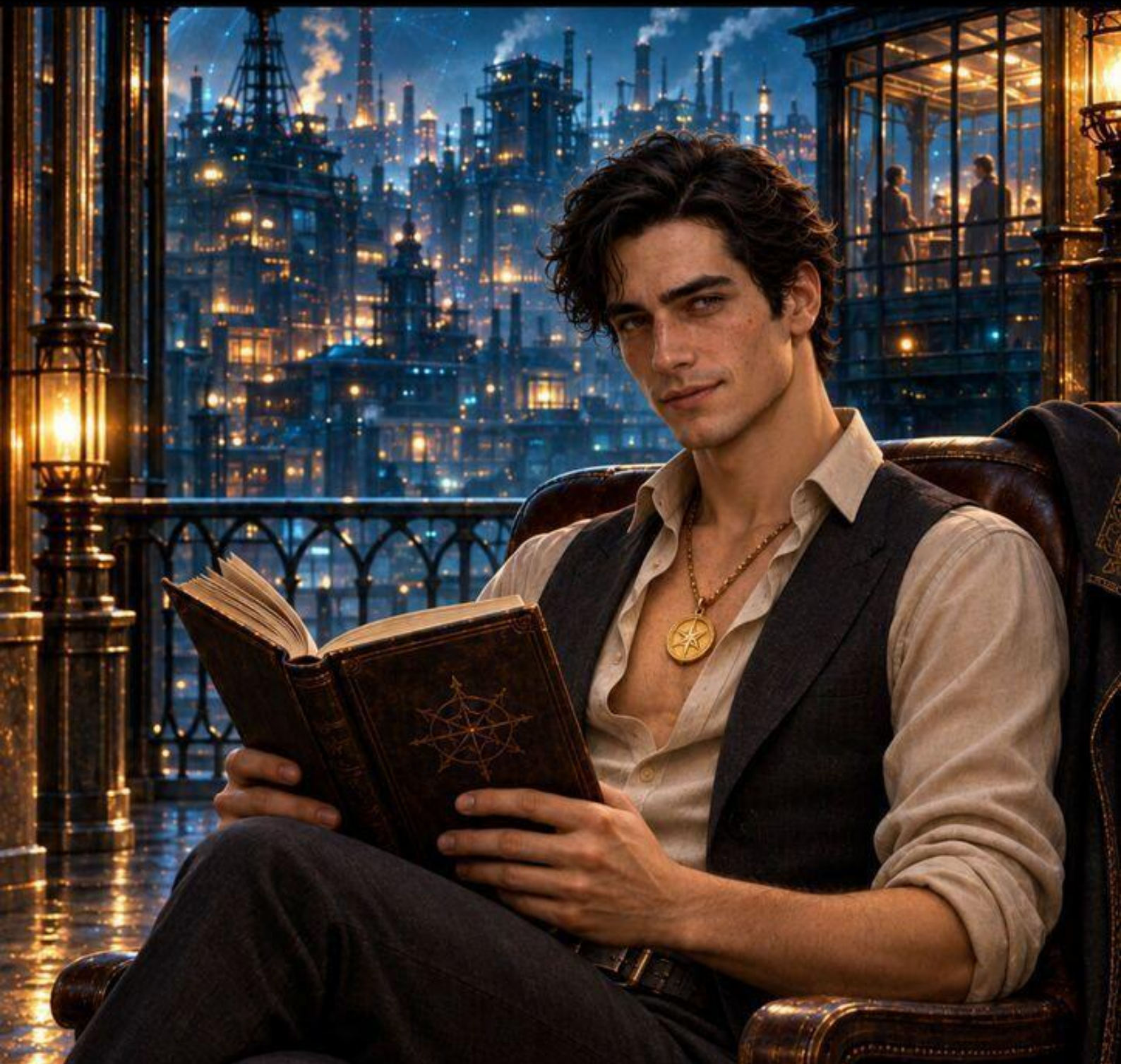
18+

Леа Глен

Закрытый город

Сага Риона. Книга 3



Леа Глен

Закрытый город. Сага Риона. Книга 3

«Издательские решения»

Глен Л.

Закрытый город. Сага Риона. Книга 3 / Л. Глен — «Издательские решения»,

Как уничтожить целый город, не разрушив ни одного здания? Очень просто: закрыть банки, учреждения, городские службы — и объявить эвакуацию.Именно это собираются сделать с Рионом. Жителям предлагают уехать, но не все могут и не все хотят бросить свой дом.Пока чиновники готовят ликвидацию города, могущественные силы ведут собственную игру, а два блестящих аналитика оказываются по разные стороны конфликта.Но Рион — город с собственной магией. И сдаваться без боя он не собирается!

© Глен Л.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Узник 6
Озёра Саймонара 9
Глава 1 11
Рами Хименес 11
Алекс Родригес 16
Глава 2 21
Эланор Кэмпбелл 21
Роже Дюбуа 26
Глава 3 29
Эланор Кэмпбелл 29
Роже Дюбуа 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Закрытый город
Сага Риона. Книга 3

Леа Глен

© Леа Глен, 2026

ISBN 978-5-0071-7385-8 (т. 3)
ISBN 978-5-0071-7381-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Узник

Он уже давно потерял счёт времени.

Он не помнил, как его доставили сюда.

Он не понимал, где он находится.

Последнее, что зафиксировала его память, — его собственные попытки сквозь боль и уплывающее сознание удержать ситуацию. А потом кучу целителей вокруг и жалость к себе, быстро сменившуюся равнодушием: калека его переиграл, старый самовлюблённый болван всё запорет, так стоит ли жить? Смерть на сцене спасёт от смерти на плахе, только и всего.

Он почти с разочарованием отметил, что всё ещё жив.

У него не было сил на разговоры со следователями, суд, приговор.

Он мучительно боялся выдать те имена, о которых никто знать не должен.

Сможет ли он, как этот калека, улыбаться, когда его режут?

Надо постараться.

Мысль о калеке и всей этой истории была неожиданно приятна.

Ему впервые не надо было носить маску жалкого клерка.

Ему впервые не надо было бояться собственных желаний.

Он чувствовал себя бабочкой, вылупившейся из кокона. И, как бабочка, он не должен был долго прожить.

Ну и ладно.

Время шло.

Следователи не появлялись.

Кормили сносно.

Обрабатывали рану.

Было больно — обезболить не очень старались, — но он шёл на поправку.

Ему даже сохранили дар. Кандалы, но не блокираторы. Его магический канал был цел.

Правда, сам он был так слаб, что блокираторы просто не имели смысла. Да и кандалы, скорее всего, нужны были только для того, чтобы напомнить о его положении. Всё равно он не мог даже сесть в кровати.

Несколько раз он пытался спросить, где он, ну или хотя бы просто заговорить со своими тюремщиками.

Ему не отвечали.

Не хотят — не надо.

Он даже не знал, какое сейчас время года, потому что окна были закрыты шторами.

Не жалеть себя.

Потащат на плаху — так тому и быть. Главное, не быть слабаком. Это стыдно. Это обнулит всю жизнь, которая и так не особо задалась.

Но его никуда не потащили.

Вместо этого в один прекрасный день, или что там было за окнами, явился граф Стерлинг.

— Ну как, поиграл в игру? — спросил он вместо приветствия.

Узник облизал губы.

— Поиграл. Отличная была игра, жаль, не повезло. И теперь вы меня, скорее всего, спишете, граф. Я только не понял, зачем лечить.

— Предположим, ты мне нужен. А лечение без обезболивания — считай, ты так наказан за провал.

— Так точно.

— Ты можешь меня попросить.

Узник задумался. Вытер скованными руками пот со лба. Генералу показалось, что он сейчас потеряет сознание.

— Нет. Я полагаю, лимит просьб у меня небольшой. Пока сэкономлю. Чем я хуже калеки.

— О чём ты думал перед моим приходом? Только честно?

— О том, как умереть, не сказав ни слова.

Стерлинг прошёлся по комнате.

— Похвально. Проблема, однако, в том, что никто не спросит. Некий Седрик Блэкуотер, арестованный по подозрению в государственной измене, умер при транспортировке в Куджар. Тело утилизировано согласно протоколу. Так что он всё равно никого не выдал.

Узник слабо улыбнулся.

— Камень с души сняли, граф.

— Хозяин. Зови меня — хозяин.

— Слушаю, хозяин.

— Кстати, ты понял, что произошло?

— Он оказался хитрее.

— Не только. Его подпитывал весь Рион. Не знаю, как это случилось, но это факт.

— Ненавижу Рион! — прошептал узник. — Мерзкий город с мерзкими людишками. Уроды ходят по улицам. Вот как раз такой город и мог поделиться силой с одним из своих…

— Уродов? — с улыбкой переспросил граф.

— Скорее, мутантов, хозяин. Там плотность безродных одарённых просто зашкаливает, однозначно — мутация из-за их шахт и заводов.

— Никогда не понимал, зачем ты поступил в Академию Риона.

Узник задумался.

— Наверное, потому, что это было проще всего. И подальше от моей семейки. Когда оказалось, что я достаточно сильный одарённый, да ещё и прошёл регистрацию, они стали смотреть на меня как на что-то ядовитое.

— О, кстати, насчёт семейки. Тебя ведь надо как-то называть? Райнхард фон Бернсдорф — тебе понравится? Старый барон бездетен, вынужденно признал бастарда.

— Вместо плахи — в аристократы. Щедро. Всего лишь за то, что я слегка порезал калеку. Остаётся только догадываться, что мне было бы, если бы я его убил. Ну или посадил на цепь.

— Не посадил же? Значит, будешь сидеть сам. У меня на цепи.

Узник опять улыбнулся.

— Не сяду на цепь — тело утилизируют ещё раз, верно?

Граф улыбнулся в ответ. Почти по-отечески.

— Ты умный. Ты сядешь.

— Сяду. Причём добровольно. Кого утилизировали один раз, может не бояться второго. Но за титул платить надо. Кстати, я действительно имею что-то общее с Бернсдорфами? Я, конечно, предполагал — вопреки всякой очевидности, — что я бастард… ну или кто-нибудь из моих предков.

— Нет. Ты законный сын горожанина Блэкуотера. Правда, кто-то из твоих предков по крови Стерлинг. Детей без магии мы всегда отдавали в зажиточные простые семьи. И забывали о них. У меня было достаточно времени изучить твой, хм, биологический материал. Стерлинг. У которого наконец-то пробудился родовой дар.

— Может, мне всё же следует называть вас дядюшкой?

— Хозяин. Повтори.

— Хозяин.

— Вот и славно. Но бросить свою кровь было бы расточительством. Ты же не безродный одарённый — ты одарённый из ветви рода, временно потерявшего магию. И зачем-то высшие силы её тебе вернули. Так что посиди, подумай. В свет введу, должность клерка в департаменте дам. Но цепь есть цепь.

— Я понял, хозяин. Спасибо, хозяин. Вот только…

— Говори.

Узник опять облизал губы.

— Я ведь из Куджара, хозяин. И вечно ведь под личиной быть невозможно. Учитывая риск, вам проще или меня здесь на цепи держать, но толку? Я ведь форму не восстановлю. Или сразу за ошейник, приказать умереть, и готово.

— Боишься?

— Просчитываю варианты. Ну и да, боюсь… всё равно когда клятву дам, не смогу ничего скрыть. Первый раз я сам не заметил, как это вышло. Думал — сейчас его прикончу, и пропустил, и всё. И вот теперь боюсь, что второй раз страшнее будет. Вот разве что умру теперь Стерлингом, хотя бы для себя, а не непонятно кем на побегушках.

— Молодец. Только не паникуй. План у меня есть.

— Спасибо, хозяин.

Озёра Саймонара

— Ты в курсе, что твой клиент — праведник? — поинтересовался жрец.

Хозяин гостиницы суетливо огляделся, хотя никаких его клиентов в закрытой части храма не было и быть не могло.

— Какой?

— Молодой человек из Риона. С ним девушка с рысью.

— Этот? — хозяин гостиницы пытался сдержать удивление. — Он ничего не говорил, я ничего не подумал. Чужак и чужак. Турист. Для чужака довольно приятный.

— Он не пытался пользоваться своими правами? — продолжал спрашивать жрец.

— Нет. Да и вообще, я думал, праведники давно умерли.

— Мёртвые праведники — это всегда удобно, — заметил жрец рангом повыше.

— И мёртвые святые, — добавил первый жрец. — Кстати, этот чужак не доставляет вам никаких хлопот?

— Нет, очень спокойный клиент. Есть такие, с претензиями, а этот тихий. Лечится — пусть лечится.

— Это хорошо. Идите, сын мой.

— Я что-то должен сделать?

— Нет, всё хорошо.

— Да уж, брат Сэмюэль, — произнёс старший жрец, когда дверь за хозяином гостиницы закрылась, — дожились мы. Баррис Мэрфи подарил нам праведника, распустил паству, а его самого вот-вот провозгласят святым.

— А нам не всё равно, отец Бартоломью? Где рионские смутьяны, а где мы.

— Сейчас-то, конечно, пусть лечится, раз приехал, — милостиво улыбнулся отец Бартоломью. — Нам на Саймонаре не нужны несчастные случаи, да ещё с праведниками. Но вообще Рион тяжёлый город, и там может быть всё, что угодно.

— Дядя, а ты правда праведник?

Ребёнок, подбежавший к сидевшему на берегу молодому человеку, смотрел во все глаза.

Молодой человек улыбнулся.

— А кто тебе сказал, малыш?

— Папа маме говорил, а я подслушал.

Молодой человек прикрыл глаза, что-то обдумывая. Потом весело предложил:

— Знаешь, пусть это будет нашей маленькой тайной. Ты же видишь, я ни на какого праведника не похож, человек как человек, и всем так проще. В том числе и мне.

— Понимаю, — серьёзно согласился малыш. — Праведник должен рассказывать о своих подвигах и учить жизни, а ты хочешь отдыхать, плавать, гулять с девушкой и гладить эту вашу рысь.

Ребёнок убежал, зато появился его отец.

— Вы простите моего сына, господин Дюбуа. У него длинный язык.

— Он ребёнок, — пожал плечами молодой человек, — тут и сердиться не на что.

— Я знаю, вам не нравится…

— Конечно нет. Еле передвигаешь ноги, радуясь, что выжил, состояние полубредовое, — и вдруг оказываешься праведником религии, в которой ничего не понимаешь.

Мужчина рассмеялся.

— Господин Мэрфи предупреждал меня.

— Спасибо ему и вам, — молодой человек явно решил сменить тему. — Подлатали отлично. Кстати, какой ваш прогноз, после всего?

— На удивление хороший. В элитные наёмники из одарённых не возьмут, но прежнего уровня достигнете. Кстати, эти ваши следы от порезов тоже сойдут. Постепенно.

— Пока это не беспокоит мою девушку, мне это безразлично.

Целитель пристально посмотрел на молодого человека.

— У вас не такая девушка, которая хлопнется в обморок из-за каких-то шрамов.

— Кстати… мне не показалось, что кое-кто нам не рад?

Целитель оглянулся.

— Нет. Не показалось. Далеко не всем здесь нравится господин Мэрфи. И ваше появление — это как камень, брошенный в тихую заводь.

— Что называется, дорогие гости, а не надоели ли вам хозяева. Ничего. Я скоро уберусь отсюда.

— Да, но круги по воде будут всё ещё расходиться.

Глава 1

Рами Хименес

— Эй, новобранцы, шевелитесь, — весело подгонял нас Генри Торнвелл.

Мы и старались шевелиться, но всё время отвлекались, глазея на Куджар, куда Алекс попал в первый раз в жизни, ну а я, скажем так, во второй. В первый раз меня куда-то возил Ману, на какой-то праздник, было мне лет пятнадцать, перед этим меня заставили зазубрить все эти правила этикета, и я боялся всё перепутать и опозорить клан. Так что мне тоже тогда было не до Куджара.

Город был красив. Широкие зелёные улицы, причудливая архитектура, старинные храмы разных религий, полноводная река Эрро, — ну вот просто открой рот и смотри.

— Эй! — толкнул меня Алекс.

То, на что он смотрел, было никакой не архитектурой. Это был плакат, криво-косо налепленный на киоск с уличной едой: «Не бросайте мусор на газон — вы не в Рионе!»

— Интересно, с каких пор у нас в Рионе мусор на газон выбрасывают? — спросил сквозь зубы Алекс.

— Рысья мать! — ругнулся я.

— Отставить, забить! — скомандовал Торнвелл. — Забить на придурков, я сказал!

Всё ещё злющие, мы зашли в отдел кадров гвардии.

— Оформляйте новых, — распорядился Торнвелл. — Мои. Оба.

— Да, но… — робко запротестовал кто-то из офицеров.

— Сам нашёл, сам оттестировал, сам с руководством Академии Риона договорился, — мои! — рявкнул Торнвелл. — А кто против, вылетает из тёплого офиса, тварям под хвост!

— Ну зачем же так грубо, — в комнате появилась симпатичная женщина в штатском. — А вы, ребята, потише. Нашему Генри потому лучшие и достаются, что он не ждёт, а ищет. И его работу вы тоже не захотите делать. Как вас зовут, молодой человек? — спросила она Алекса.

— Инженер Алекс Родригес, выпускник Академии Риона, факультет артефакторики, — гордо отрекомендовался он.

Женщина внимательно посмотрела документы.

— Хороший диплом. Спортсмен. Магический пёс. Поздравляю вас, майор Торнвелл. И вас, инженер Родригес. Возражений нет.

Теперь она обернулась ко мне, и я отчеканил:

— Инженер Рами Хименес, выпускник Академии Риона, факультет артефакторики!

— Интересно — Хименес в гвардии?

Она взяла мои документы.

— Ого. Две ходки в прорыв. Уже. Это когда же вы успели, молодой человек?

— Первый раз была всего одна тварь, и мы вдвоём, с аналитиком корпорации… а потом был большой прорыв, и я по присяге.

— Аналитик корпорации — это же Роже Дюбуа? — уточнила женщина.

Я кивнул.

— Он сумасшедший — в своём состоянии лезть в прорыв?

— Роже не сумасшедший, Алина, — вздохнул Торнвелл. — У него с головой всё в порядке. Может, даже ещё более в порядке, чем было. Просто больше никого не было. И ты же знаешь его — он просто полез выполнять задачу.

— Как он вообще? — спросила меня женщина.

— Ничего, — пожал я плечами, не зная, как отвечать. — Недавно, правда, в замес попал, но ничего.

— О нём до сих пор жалеют, — вздохнула она. — Хороший офицер, приятный парень, лёгкий, весёлый. Ему предлагали здесь, в кадрах остаться. Уволился. Гордый. А ты, молодой человек, случайно не дворянин, хоть по какой линии? Ну как-то совсем не как Хименес.

— Нет, — улыбнулся я. — Безродный одарённый, ну или как это вежливо звучит, первый одарённый этого имени.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Ну если ты с Дюбуа во время прорыва был вместе… Генри, признавайся, его тебе Роже и рекомендовал?

— Не успел, я его уже увидел в деле и сказал «хочу», — улыбнулся Торнвелл.

— Всё ясно, возражений нет, поздравляю. Служите достойно, молодые люди… господа гвардейцы.

Нам выдали новенькие удостоверения личности, талоны на склад, ключи от наших комнат, служебные артефакты связи. Казарма оказалась даже не казармой, а чем-то вроде общежития Академии, даже получше: хорошие однокомнатные номера с большими окнами, у Алекса даже с балконом. Форма была новенькая и красивая. До первого воинского звания нас полагалось называть не рядовыми, а по гражданской специальности — инженерами. Империя на своей гвардии явно не экономила.

Затем за нами забежал Торнвелл, потащил на обед, показал столовую. Меню рядовых и офицеров не отличалось, кормили отлично.

— У вас будет свободное время, но не так много, — объяснил Торнвелл, — потому что сначала учебка. Предполагается, что гвардеец уже знает, с какой стороны берутся на магомеч, но вас не отпустят, пока не убедятся, что вы можете им нормально владеть. Кстати, даже офицеров периодически гоняют, чтобы не теряли форму.

— Получается, Роже после этого сделали бы исключение, если бы он остался? — спросил я.

— Магомеч был всегда как будто продолжением его руки, — с горечью ответил Торнвелл. — А после этого его скрутило, когда он просто попробовал удержать меч в руках. Его ломала любая попытка дотянуться до собственного дара. Посчитал себя никому не нужным, подал в отставку, собрал вещи, уехал.

— Неужели у него не было ни друзей, вообще никого, чтобы расследовать эту дикую историю? — удивился Алекс. — Ведь офицер, имперский аналитик, их мало, таких ломать — саботаж, это же не бандиты на механика наехали.

Торнвелл вздохнул.

— Было бы сложно. Старый Стерлинг занимает высокую должность, ведёт себя так, что ему и император не указ, и, главное, у него есть сторонники. Единственное, чего бы мы добились — кто-то из ребят помоложе и погорячее вызвал бы Марка Стерлинга и убил. Но Марк вообще ушёл на боевые. Да и в Марке ли было дело…

Я подумал: Роже хотя бы не бросили. Похоже, он сам обрубил связи со всеми, кроме Торнвелла. Из гордости, из стыда, хоть стыдиться ему было нечего. Я вспомнил самого себя, когда я мотался больной то в город, то в Академию, пока не напоролся на неприятности, а у меня всего-то было ранено плечо, — неприятно, но лечится. А Роже был, как считали тогда, искалечен непоправимо. Уехал в Рион, устроился к Ману, и, страшно подумать, доживал, будучи на самом деле совсем молодым человеком. Я ведь вначале и возраста его не мог определить, а он ведь старше меня самое большее лет на десять.

Отставить! — прикрикнул я на себя. Об этом надо помнить, поскольку здесь я поближе к этому типу, отцу Марка, но не паниковать. Роже себя не жалел и нам бы не дал, и он ни о чём не просил, а его вылечили. Причём, саймониты гордо заявляли о том, что сами совершили чудо,

— ну ладно, чудо совершил жрец Мэрфи, но там без общины было никак, — а их собеседники расспрашивали о подробностях, покачивали головами и хвалили за то, что помогли бедному молодому человеку, который, оказывается, так долго держал на себе безопасность города, ни на что не жалуясь и никому не докладывая.

Я прекрасно понимал, что это ещё и политика. Баррис Мэрфи добился своего: саймониты столетиями жили рядом с нами, их считали загадочными, их считали враждебными, их считали богатыми, их считали умными, их считали себе на уме, но никто ещё до сих пор не сказал, что они классные, — а теперь говорили. Возможно, именно к этому Мэрфи стремился всю жизнь, но как мог я его упрекать: человек рядом с нами боролся с тварями, исцелил Роже, даже Маатсена успел подлечить. Так что всё честно. Осталось только ворчание Роже, что, мол, не могли бы выбрать другого праведника, он не может соответствовать и вообще устал. После чего Ману дал ему денег и выпихнул в отпуск, на Саймонар, поправлять здоровье.

Кстати, о Ману. Он изменился, по крайней мере по отношению к некоторым из нас. Меня он стал чаще в неформальной обстановке называть братом и брать на те совещания, которые он проводил с Роже. Причём на этих совещаниях он то и дело дружески подкалывал Волкодава, а тот или иронически улыбался, или отшучивался, а то и сам начинал поддразнивать Мануэля, что раньше за ним не замечалось.

Следующие пару недель у нас заполнены занятиями. Гоняют так, что остаётся желание только наесться и выспаться. Фехтование, стрельба, борьба. Неожиданно — история, право, литература, психология.

Мы знакомимся с другими новобранцами. Флегматичный Дэйв Гилл и порывистый Оливер Мертин — из Академии Куджара, тоже безродные. Вообще аристократов у Торнвелла мало. По мнению Генри, люди, получившие домашнее образование, слабоваты в подготовке.

И только через две недели мы получаем первые выходные.

Лично я хочу спать.

И даже сначала сплю.

Но потом приходит Генри.

А с ним Марк и Рауль.

Оба бледные, будто с тварью в подворотне повстречались.

— Что с тобой? — спросил я у Марка.

— Рауль у меня заболел, — промямлил Марк, опустив глаза.

— Мне лучше! — запротестовал Рауль.

— Идём-ка куда-то в спокойное место, подальше от общежития, — предложил Торнвелл, — туда, где честные гвардейцы могут говорить о девушках, не боясь посторонних ушей.

Алекс только недоверчиво покосился на командира, но ничего не сказал.

Мы пришли в какой-то крутой ресторан, и Торнвелл попросил отдельную комнату.

— Господа инженеры, вот вам боевое задание: проверить окружение, — приказал он.

Через пять минут мы с Алексом нашли штук двенадцать прослушек, заглушили их и поставили купол молчания.

— Говори, — велел Торнвелл Марку.

— Вот рапорт. О переводе в твоё подразделение.

— Это ещё зачем? Ты и у себя был на месте. Новобранцев искал.

— Вас расквартируют в Рионе, — торопливо сказал Марк. — Мне надо в Рион. А новобранец у меня один. Ещё не призывного возраста.

— Ты можешь ответить, какая муха тебя укусила?

И Марк начал рассказывать.

Муха его не кусала, но заехал в родовое поместье. На свою голову.

Отец его давно не жаловал, но был поначалу вежлив.

— Там странности были, — объяснил Марк. — В поместье новый человек. Зовут Райнхард. Я статус его не понял. Не слуга. Отец сказал — внебрачный сын нашего дальнего родственника. Работал где-то охранником. Напали грабители, получил ножом в бок. Отец его подобрал в госпитале.

— Ну и? — подобрался Торнвелл.

— Понимаешь, — Марк обдумывал каждое слово, — это было странно. Отец ни собак, ни раненых охранников в жизни не подбирал.

— А что ещё было не то?

— О самом этом Райнхарде ничего плохого сказать не могу, только странное. Довольно молодой, но старше меня, наверно, лет на пять или семь. Бледный и худой, как всякий, кто получил в бочину и только пошёл на поправку. Для какого-то просто охранника — очень образованный, по речи заметно. На отца смотрит как на божество. Со мной… похоже, хотел подружиться. Даже пофехтовали немного, насколько ему здоровье позволяло. Что сказать? Техника прекрасная, хороший боец, в нормальном состоянии посильнее меня будет, но после такой раны, понятно, в форму войдёт не скоро. Увидел Рауля, спросил меня: таскаешь за собой слабосилка, тебе он нравится? Да, отвечаю, забавный, и идти ему некуда. Райнхард подумал и говорит: не дело его за собой таскать, так он ничему не научится, а ведь такие обычно очень умные. Отдай его в училище, какое ему больше нравится, обязательно на боевой вид спорта, где нужна ловкость, потому что он у тебя огромным не вырастет, деньги давай карманные, следи за ним — через три года у тебя бухгалтер, телохранитель, помощник. И свой человек. Я улыбаюсь: а если выучится и уйдёт? Райнхард задумался, а потом: значит уйдёт, но я бы не ушёл. Я и признался, что и у меня планы похожие, он кивнул. Вообще, приятный был бы парень, если бы на отца так не смотрел.

— Я бы не сказал, что он приятный, — подал голос Рауль, — он может быть опасен, командир. Старый господин Стерлинг никого безопасного вот так не подберёт.

— А что ты скажешь о старом господине Стерлинге? — улыбнулся Торнвелл.

— Вот из-за него мне и стало плохо.

— Вот как? — Марк внимательно посмотрел на Рауля. — А ты молчал.

— Старый господин Стерлинг наблюдал за вами, командир, — тихо произнёс Рауль.

— Он всегда наблюдает, — легкомысленно улыбнулся Марк. — Он и за этим, Райнхардом, наблюдал. Мне даже показалось, сравнивал.

— Не показалось, — сказал Рауль.

— Но плохо-то отчего? — удивился Торнвелл.

— Он страшный. Он… вот ты просто будешь идти, а он тебя прихлопнет, просто потому что решил, что надо, ну или без тебя тут… красивее.

— В общем, — продолжил Марк, — Раулю стало плохо, я сказал отцу, а тот — ну зачем тебе больной, выгони из усадьбы. А Райнхард: но ведь он не мешает, пусть отлежится. Отец на Райнхарда смотрит, Райнхард становится ещё бледнее, на лбу пот, и совсем тихо: но он же не мешает. В общем, разошлись мы, а на следующий день Райнхард меня спрашивает: не лучше? — Нет. — Может, говорит, в поместье растёт что-то для него вредное, может в город его отвезёте. А мне самому что-то душно, я и ухватился за идею. Отец: ну я распоряжусь завтра.

— А на завтра, — подхватил Рауль, — вы не заметили, командир, что Райнхард разбитую скулу замаскировал, чтобы не видно было?

— Нет, — удивлённо ответил Марк.

— Я боль почувствовал.

— Вот как? Он вёл себя как обычно. Отец велел ему нас увезти в город, он и увёз. А когда высаживал, говорит: господин Марк, если вам дорога жизнь, больше сюда не приезжайте.

И из Куджара лучше куда-то переведитесь. И в мобилус, рванул — и нету. Я сначала принял за угрозу. Но это хуже. Мой комби опять шпионил.

— Я прослушку подставил, — объяснил Рауль. — Если я хочу, меня везде пускают, а с персоналом я поладил. Они о Райнхарде тоже мало что знали. По слухам, когда его привезли, изолировали от всех. Ну а потом уже он выходить начал, и да, слуги тоже заметили, что он на господина Стерлинга вот так смотрит. Как будто этот человек для него вот всё.

— Короче, выслушали мы эту прослушку в укромном месте, — прервал Рауля Марк. — Отец потребовал от Райнхарда меня убить. Сказал, я только позорю его род. Этот Райнхард как-то раскопал, что я семейные деньги растратил. Вот тогда, на меч. Райнхард ещё пытался меня защитить от отца. Сказал, что он совсем недавно стал Стерлингом, и не хочет сразу после этого убивать другого Стерлинга. Мол, неправильно это. Судя по звуку, Райнхард отхватил от отца плетью и сказал ровным голосом: «Спасибо, хозяин». А отец: почему ты на месте не умер? Он, так же ровно: похоже, клятва лояльности защищает род в целом, и я прав, что отказался. В общем, этот человек на клятве лояльности.

Марка передёрнуло.

— Да кем бы он ни был, — вот так посадить на цепь… а он ещё и смотрит на отца с обожанием.

— Я же говорю, — упрямо повторил Рауль, — старый господин Стерлинг — он очень страшный.

— А как ты думаешь, — спросил Торнвелл, — этот Райнхард — действительно Стерлинг?

Марк кивнул.

— Я бы сказал, да. Внешность. Манера говорить. Пластика. Я с родовыми портретами сравнивал. И с отцом, как живым прототипом. — Марк коротко хохотнул. — Может быть, какая-то побочная ветвь рода. Сомневаюсь, чтобы такая холодная рыба, как мой отец, завела интрижку на стороне.

— Это не рыба, — покачал головой Рауль. — Это паук. Размером с хорошую тварь.

Торнвелл прошёлся по комнате.

— Тайна этого самого Райнхарда — конечно, интересно. Но что это решает? Стерлинг держит на цепи какого-то Стерлинга. За что и зачем — непонятно. Парень не безобидный, но вроде и не мразь какая. Но в принципе это их дела. Гораздо важнее, Марк, что он тебя предупредил. Был бит, чудом не убит.

— Может вытащим? — спросил Алекс. — Его же бьют.

— Вытащить человека, который под клятвой лояльности, практически невозможно, — объяснил Торнвелл. — Его призовут — он вернётся. Даже на смерть вернётся. Зачем Стерлингу на цепи дальний родственник? Ну, как вариант, — заменить тебя, Марк. Если ему так не нравится наследник, должен же он придумать замену. Где-то нашёл человека, которого считает подходящим. Воспитывает своими методами. Что мы можем сделать? Исключительно вывести Марка из-под угрозы, что этот странный парень и советовал. Кстати… если у этого парня хватило мозгов обойти прямой приказ, то он выживет и на цепи. И если Стерлинг запланировал этого игрока для какой-то своей игры — не век же он его будет прятать. А тогда и разберёмся.

Алекс Родригес

Мы вышли из ресторана.

— Куда идём? — спросил Торнвелл.

— Давайте ко мне домой, — предложил Марк.

— А ты разве не в общаге живёшь? — удивился Рами.

Ну да, он дрался рядом с Марком, они вместе вытаскивали Роже, Кэмпи и Рауля с балкона, это сильнее субординации простой новобранец / офицер из аристократов, вот он с Марком и совсем запросто. Впрочем, мы же вместе ели у МакДжеральда, фехтовали, боролись, он меня подначивал, но тогда-то я был просто студентом…

— Нет, у нас своя квартира для тех членов рода, кто в городе, и не хочет занимать отцовскую резиденцию, я обычно там живу, — весело ответил Марк. — Здесь совсем рядом.

Я не знаю, что во мне сработало, но я мысленно позвал Лорда.

— Красавец! — восхитился Марк. — Он так тебя слушается?

— Он сам себя слушается, и немножко меня, — усмехнулся я и произнёс кодовую формулу: — Лорд, Марк свой. Охранять, дружить.

— И вообще, давно я не звал его и не подкармливал, — виновато добавил я. — Я не знаю, какие правила в общежитии, а в ресторан с ним могли и не пустить. В общем, выпрошу у вас мясо для красавчика, господин капитан.

— Я специально закажу, — пообещал Марк.

Лорд повернулся к Марку, внимательно осмотрел его и вильнул хвостом.

— Он вас одобрил, господин капитан, — засмеялся я.

Мы свернули в узкий тупичок.

— Вот… — начал было Марк.

И в этот момент Лорд повалил Марка, и тут же раздались выстрелы.

— Там, — выдохнул Торнвелл.

Я привычно перекатился к ближайшему дереву.

Тот же манёвр на автомате повторил Рами.

Рауль, который вроде бы ничего не умел, не ожидая приказа, юркнул куда-то за тумбу.

— Явятся, не сомневайся, — прошептал Торнвелл. — Рискованно, но явятся. Им нужен Марк.

Они и явились. Человек семь, не меньше.

— Как я так? — с тоской спросил меня Торнвелл.

Отвернулся и вытащил пистолет.

Да, огнестрел тут лучше. И быстрее. Это мы, в Рионе, привычно носим арбалеты. Против тварей. А здесь их нет. Все твари двуногие.

Нападающие разделились. Один двинулся к Марку, другие развернулись, страхуя товарища.

Но Марк уже стоял на ногах, а рядом скалился Лорд.

Тот, кто стоял перед Марком, вытащил магомеч.

— Ты офицер, — выплюнул он. — Защищайся.

Они скрестили мечи.

Остальные пока просто стояли.

Это не может быть дуэль… это не может быть так просто.

И тут я увидел. Фигурка в одном из окон. Блеск ствола.

Наверно, очень хороший стрелок.

Пока мы все ждём подвоха внизу, он сверху.

Я вижу его.

Значит, скорее всего, он может заметить меня.

Но он не может видеть всё, ему нужен Марк.

И в этот раз многолетний опыт соревнований меня не подвёл. Арбалет будто сам прыгнул в руку, я выстрелил раньше, чем стрелок в окне успел заметить угрозу и отреагировал.

Попал.

И тут же — выстрел Торнвелла, в другую сторону, тоже вверх.

И Рами, спешащий на помощь Марку.

И мы, выскакиваем и атакуем.

И сирена вызова полиции. Та самая тумба, где прятался Рауль.

Четверо против семи. Шести. Первого уложил Марк.

Но у шестерых тоже нет времени. Они пытаются оттеснить нас и атаковать Марка, им не даёт это сделать Лорд, и ещё одному из них в ногу вцепляется маленький Рауль. Да, он крупным не вырастет. Но и Роже не из крупных… так что наш Рауль — будущий Волкодав. Если доживёт, с такой-то инициативой.

Гудит сирена полицейского мобилуса.

— Тебе повезло. Сегодня, — бросает Марку один из нападавших.

И они быстро ретируются.

Мы не преследуем.

— Ну у твоего предка и скорости, — проворчал Торнвелл. — И я-то хорош: твари ясно, что ты бы пошёл именно на эту квартиру. Вот и ждали.

Марк тем временем перевязывал платком руку. У Рауля сильно кровоточила ссадина на лбу — видимо, отхватил каблуком.

— Досталось? — сочувственно спросил Торнвелл.

Внимательно посмотрел на меня:

— Покажешь такое же на тестах — зачёт.

— Можно я зайду к нашему семейному целителю? — попросил Марк. — У меня ерунда, а вот малыша посмотреть надо.

— Далеко? — спросил Торнвелл.

— Пару кварталов.

— Ладно.

Мы двинулись в направлении, указанном Марком. Уже не как весёлая компания в выходной, а как нормальные гвардейцы на дежурстве.

Праксис целителя был помпезный.

Торнвелл некоторое время что-то прикидывал, потом приказал:

— Родригес, идёшь с Марком. И с Лордом. А мы с Рами тут мороженое поедим, по сторонам посмотрим.

Марк позвонил в дверь. Открыли ему сразу.

И пропустили.

А заодно Рауля, меня и Лорда.

— Что случилось, господин Марк? — встревоженно спросила полная светловолосая дама в белом халате.

— Да вот слуга мой слегка… в общем, какой-то пьяный пытался со мной подраться, а Рауль ему вцепился в ногу. И получил каблуком.

— Так с вами и гвардеец, и собака, — удивлённо заметила женщина. — Зачем малыш это сделал?

Рауль посмотрел на неё ясными глазами:

— Господин Стерлинг сказал, что я бесполезный. А я хочу быть полезным.

— Подожди, Агнесса, — раздался рокочущий бас. — Давай я посмотрю на этого полезного.

Целитель был огромный. Наверно, выше меня на голову. И очень строгого вида. Но глаза его улыбались.

— Вечно я слышу от Стерлингов о полезности и бесполезности, — проворчал он. — Значит, защищал господина Марка?

— Я не глупый, — ответил Рауль. — Я полностью защитить не могу. Но помочь — получилось.

Целитель посмотрел на рану.

— Сильно кровит, но ничего страшного. Сейчас перевяжу тебя, положу обезболивающее, и будешь герой как герой.

Какое-то время целитель колдовал над Раулем, затем посмотрел на Марка и покачал головой:

— Ох, что-то вы недоговариваете, господин Марк.

Марк молчал.

— Ладно. Давайте руку.

И тут в дверь постучали.

Целитель изменился в лице.

— Это господин Райнхард.

— А он-то зачем? — удивился Марк.

— Тоже мой пациент. Непослушный. Но раз господин Стерлинг сказал…

В кабинет вошёл молодой человек, несколько старше Марка и очень на него похожий. Только если Марк был симпатичный, весёлый, красивый, — словно с глянцевой обложки, — то этот парень выглядел больным, хотя держался прямо и гордо.

— Марк… — прошептал он растерянно, увидев нас. На мгновение лицо его смягчилось, но сразу же стало снова строгим. — Я же говорил… почему ты меня не послушал? Пожалуйста…

Целитель покачал головой.

— На кого вы похожи, господин Райнхард. Господин Стерлинг совсем вас не щадит. Вам надо осторожно.

— Я полагаю, господин Стерлинг знает, что делает, — ровным голосом ответил этот парень.

И опять повернулся к Марку.

— Марк, если господин Стерлинг спросит, не видел ли я тебя, я вынужден буду ответить. Господин Борн, подтвердите, пожалуйста, что это так.

Целитель кивнул.

И опять с сожалением посмотрел на парня.

— Имейте в виду, господин Райнхард, вы можете вынести гораздо меньше, чем вы думаете. Вы будете думать, что замечательно держитесь, и просто однажды упадёте замертво.

— Значит, такова цена, — безразлично ответил этот странный парень.

— Я не знаю, о чём речь, — порывисто сказал Марк, — но я привык доверять господину Борну. Он лечил меня всю мою жизнь. Если он говорит, то не просто так. Береги себя, Райнхард. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

В лице парня что-то дрогнуло.

— Я постараюсь, Марк.

— Господин Борн, — продолжал Марк, — я не знаю, что с Райнхардом, но он после очень тяжёлого ранения. Скажите, пожалуйста, отцу то, что сказали ему самому. Райнхард будет молчать, пока не убьётся, он же отца слушается, а отец не держит бесполезных людей, он зачем-то взял Райнхарда, значит, не захочет, чтобы он умер.

— Хорошо, господин Марк.

Парень улыбнулся одними губами, развернулся и выскочил на улицу.

— А вы, господин Борн, что-то можете сказать о Райнхарде? — спросил Марк.

Целитель задумался.

— Я не знаю, что он натворил. Никто просто так не доставляет тяжелораненого в своё поместье, не держит его в кандалах, не лечит без обезболивания.

— В блокираторах? — не выдержал я.

— Нет, был приказ сохранить дар. Кстати, очень сильный одарённый. Отлично развитый физически. Мне запретили с ним говорить, он сначала пытался меня разговорить, потом замолчал. И смотрел куда-то в стенку. А потом ему стало лучше, господин Стерлинг его освободил и разрешил ходить по поместью. А потом вообще разрешил ему ходить куда хочет. Только он не очень этим пользовался. Господин Стерлинг сказал, это дальний родственник, считавшийся безродным, нигде не учившийся, и он хочет из этого парня сделать правильного Стерлинга, тем более что фамильное качество сразу видно.

— А мне отец ничего не говорил, — задумчиво сказал Марк. — Вот, мол, Райнхард. Дальний родственник.

— Ну, господину Стерлингу виднее, — заключил целитель.

Мы вышли на улицу.

— Что это за человек заходил к вашему целителю? — поинтересовался Торнвелл. — Я уже подумал, нам тоже зайти надо.

— Это и есть Райнхард, — объяснил Марк.

— По виду, — пожалуй, да, отпрыск аристократического рода, но привыкший подчиняться, и по пластике вроде тебя, Марк, — сказал Торнвелл. — Вполне допускаю, что вы родственники. Только ты свободный, а он вышколенный. И я бы сказал, он всё время ведёт себя так, вот даже когда просто идёт по улице, как будто его кто-то оценивает, а ему надо оправдать ожидания.

— Целитель сказал, отец его просто до смерти забить может, — вздохнул Марк. — Просто потому что будет учить, как вот мы в прослушке слышали, а этот будет считать, что так надо, и держаться, и просто однажды упадёт, и всё. Я попросил целителя это же рассказать отцу. Если отец его зачем-то где-то подобрал, а может захватил, значит у него планы использовать, а не добить.

— Райнхард не мог руководить этой, скажем так, операцией, как ты думаешь, Марк? — тихо спросил Торнвелл.

— Не думаю. То есть, если трезво, всё может быть. Но, мне кажется, он испугался, когда меня увидел. Спросил, почему я его не послушал. И предупредил — он будет вынужден рассказать о встрече с нами, если отец его спросит.

— Ничего себе! — присвистнул Торнвелл. — Клятвой лояльности это, скорее всего, напрямую не запрещено, но по краю прошёл.

— Если в клятве действительно есть защита рода, то вот как раз по нужному краю, — вмешался Рами. — И вряд ли случайно. Умён. Сам понял грань.

— Но ведь клятву твой отец придумывал? — испытывающе посмотрел на Марка Торнвелл.

— А что отец, — невесело усмехнулся Марк. — Он, конечно, человек страшный, но образование домашнее, а в нём, как ты говоришь, Генри, пробелы.

— Стоп! — влез я. Не очень хотелось, но где несоответствие, там несоответствие. — Целитель сказал, по словам Стерлинга, этого парня ничему не учили. А по твоим словам, Марк, и по тому, как он аккуратно по краешку ходит, — образование как раз есть, и хорошее.

— Действительно, — согласился Марк. — Образование хорошее, а вот прошлое, боюсь, нехорошее. Где мог отец его найти? Зачем такие меры? Хотя, под клятву лояльности кто ж добровольно пойдёт. Отец его специально ломал. А когда сломал — тогда пожалуйста, отпустил, куда он сбежит. Но для чего? Просто завести ручного убийцу, например? Нет, я понимаю, этот может, но как-то оно слишком просто.

— Я думаю, командир, — несмело произнёс Рауль, — господин майор был прав, это же древний род, ему нужен наследник, а вы же его не устраиваете. Но только мы тут сидим, а ведь господин Стерлинг вторую группу пошлёт.

— Самый младший оказался самым умным, — невесело согласился Торнвелл. — Нам сейчас не этого Райнхарда надо спасать, а Марка.

— А перевод провести по кадрам? — вскинулся Марк.

— Сиди. Значит так, господа инженеры. Возвращаетесь в казарму. Идёте спать, если выйдет. А я в Рион и назад. С этими двумя. Будут спрашивать — начальство вам не отчитывается.

— Так точно! — шутливо отдал честь Рами. — Не могу знать, господин майор!

Глава 2

Эланор Кэмпбелл

Сквозь сон я слышала какой-то шум, но думала, что мне это снится.

Чего бояться?

Леон на страже, за меня голову оторвёт.

Когда-то это звучало забавно.

Пока он действительно этого не сделал.

Каким-то чудом я тогда не запомнила подробности. Запомнила только руку Роже и свой шок от того, что я почувствовала: ресурс, вытекающий из искорёженного магического канала, как кровь из раны, и боль.

Он с этим жил.

Всё-таки как хорошо, что мы встретились с Баррисом Мэрфи.

Теперь у Роже всё хорошо. Он даже улыбаться стал иначе.

Я улыбнулась и проснулась окончательно.

Светало.

В комнату вплыл Леон.

— У нас гости, хозяйка, — сообщил он. — Марк Стерлинг и Рауль. Я завтрак на троих буду готовить. Хотел на четверых, но Торнвелл поспал пару часов и сразу же погнал назад в Куджар.

Я какое-то время переваривала информацию.

Потом в голове щёлкнуло.

— А ведь это не от хорошей жизни, Леон.

— Точно, Лан. Среди ночи гостей под мою защиту от хорошей жизни не выгружают. Ну а гости сами по себе хорошие, Марк, можно сказать, мой соратник, Рауль твой.

Я спустилась в гостиную.

На краю дивана расположился Марк. Он спал сидя. А на диване свернулся калачиком Рауль.

— Красавчик, — улыбнулся Леон. — Оба красавчики. Рауль подрастёт — Марк от него девушек веником отгонять будет.

— Обычно парней от девушки отгоняют, и в основном любящие отцы и братья, — я изо всех сил старалась не расхохотаться.

— А в нашем случае будет вот так, — подмигнул мне Леон.

— В любом случае, займёмся завтраком, и давай вместе, — распорядилась я.

На кухне, пока мы вдвоём готовили завтрак, я думала о своём. Два моих партнёра по бизнесу — назовём это так — сейчас на службе. Всё держится на мне. И результаты у меня хуже, чем у Алекса и Рами. Свою часть работы я делаю безупречно, но я не могу сделать их модули так, как это сделали бы они. Артефакты получаются, скажем так, среднего качества. На них всё равно есть устойчивый спрос, уже не только в мастерской Хорхе, но и в мастерской Энрике, но меня это не устраивает: я выдаю гораздо худший результат при гораздо большей загрузке.

Правда, у меня неожиданно появился помощник. Младшекурсник Стэнли Робинсон, из клуба владельцев магических животных, как-то подошёл ко мне и спросил, может ли он быть полезен. У парня тоже оказались способности интегратора. Не Рами, совсем не Рами, но всё равно помощь.

— Ну вот, а теперь шоколад, — прервал мои мысли Леон. — Ты всё подготовь, а когда наши сони проснутся и сядут завтракать, подам горячим.

Он посмотрел в окно.

— Эх. Стэнли явился. Вместе с Глотом. Разбудит.

Но наши гости проснулись ещё до того, как Стэнли зашёл в гостиную.

И когда я поспешила туда, все просто смотрели друг на друга, оценивая.

— Я тебя знаю, — наконец сказал Марк. — Ты на прорыве в оцеплении стоял. А твоего пса как зовут?

— Глот, — ответил Стэнли. Он тоже узнал молоденького капитана, который с наскоро собранной командой из добровольцев пошёл в прорыв, и смотрел на него почти с обожанием.

— А почему Глот? — улыбнулся Марк.

— Потому что проглот. Сколько ни съест, всегда мало.

— Говорят, все магические животные слегка проглоты, — добродушно заметил Марк.

— Мой Глот даже по этим меркам проглот, — с некоторой гордостью заявил Стэнли. — Хорошо, что родители у меня не бедные, а то не смогли бы себе такое позволить.

— Ты ведь знаешь Алекса, у которого Лорд? — спросил Марк.

— Конечно. Чемпион города. И Лорд у него такой умный, как будто больше, чем просто собака. Нет, не подумайте, господин капитан, мой Глот тоже умный, и я его ни на кого не променяю. Просто он молодой ещё. Ну и я молодой ещё, — смущённо добавил Стэнли. — А мальчик вам кто? Я лицо смутно помню, где-то видел, кажется, наш рионский. Ой, а у него дар разносторонний. Отец Баррис Мэрфи говорит, сильный дар не всегда нужен.

Марк внимательно посмотрел на Стэнли:

— Это же тот Мэрфи, который был в моём отряде? Жрец-саймонит?

— Так я тоже саймонит, — смущённо пожал плечами Стэнли. — Мы рионские саймониты, что с этим не так?

— Всё так. Господин Мэрфи, если ваши не знают, очень силён. Как воин тоже.

— Да, наши шептались. Не ожидали, что он в прорыв полезет. Обычно он тихий такой, ну как положено хорошему жрецу, понимающий. И хороший целитель. А тут вот полез в прорыв, причём Касси только ему и разрешила. А какое чудо он с господином Дюбуа сотворил!

— Чудо мы все сотворили, — сказала я. — Но да, благодаря господину Мэрфи.

— Господин Дюбуа тоже крут, — рот у Стэнли не закрывался. — Пока вы с тварями разбирались, а мы в оцеплении стояли, он разобрался с тем, кто уничтожил защиту. Сильнющий был, говорят, тип, и злющий, и боевики корпорации на его стороне были. Чуть самого Ману не порешили. А господин Дюбуа разобрался.

— Да, — согласился Марк. — Мы прибежали, а он уже разобрался.

И все как-то неловко замолчали. Стэнли наконец сообразил, что много болтает, а Марк, наверно, не знал, как поддержать разговор.

— Пошли завтракать, что ли, — пригласила я.

— Так я уже завтракал, — смутился Стэнли.

— Так просто шоколад попьёшь, — предложил Леон. — Не дело, если ассистент работает, а хозяева шоколад пьют.

— Как скажете, господин Кроу.

Завтрак прошёл тихо. Марк явно о чём-то умалчивал, а Рауль, хоть и вертелся, но поглядывал на Марка и не решался что-то сказать.

Потом мы со Стэнли пошли в мастерскую, а Марк с Раулем пошли за компанию, так что пришлось провести небольшую экскурсию.

Рауль восхищался, а Марк всё внимательно осмотрел и тихо спросил:

— Ты так зарабатываешь на жизнь? А я забрал ваше время?

— У меня редко бывают гости, — улыбнулась я, — так что всё хорошо. Вот только что-то мне подсказывает, что вы не артефакты смотреть приехали.

— И что именно? — подхватил Леон. — Может быть, прибытие гостей среди ночи? Или то, что Генри развернулся и помчал назад, как будто за ним гнались твари из прошлого прорыва? Хотя, может быть я устарел, а просто сейчас в Куджаре мода такая.

И все трое расхохотались. Стэнли робко улыбался и жался в сторонке, не зная, как реагировать.

— Я так понимаю, военная тайна? — уныло спросил он.

— Всё правильно понимаешь, — кивнул Марк. — Будешь и дальше таким сообразительным — сделаю распределение в своё подразделение.

— А где вы стоите? — поинтересовался Стэнли.

— Здесь, в Рионе буду стоять. Я к майору Торнвеллу перевёлся.

— Ух как круто! — обрадовался Стэнли. — А можно я буду приходить, тренироваться, учиться? Чтобы потом быть подготовленным?

— Ты смотри Академию не запусти, — охладила я его. — А то профессор Маатсен уши оборвёт и скажет, что так и было.

— Он человек серьёзный, — кивнул Марк. — Я, конечно, могу с ним поговорить, но учиться всё равно надо. Мы практически не берём необученных одарённых.

Оставив Стэнли задание, я наконец ушла в кабинет и поставила купол молчания.

— А теперь говорите, капитан.

И он рассказал.

Каюсь, первая мысль у меня была о том, в каком осином гнезде сейчас находится Рами.

Пришлось себя одёрнуть.

— Насколько безопасно вам находиться в Рионе? — спросила я Марка.

— Безопаснее, чем в Куджаре. Особенно если сидеть безвылазно в казармах, как арестант, — вздохнул Марк.

— Тогда может побудете у нас? — спросила я. — Место здесь есть.

— У незамужней девушки? — вытаращил глаза Марк.

— Я порву за хозяйку и её репутацию, — заявил Леон своим немного

нахальным голосом, — но что-то мне подсказывает, что это скоро будет наименьшая наша проблема.

— Эх, а как всё хорошо выглядело, — вздохнула я. — Роже наконец-то здоров, Алекс и Рами служат у хорошего командира, и вот вам опять…

— Ладно, чего там, — тряхнул головой Марк, — лучше ещё раз покажите нам мастерскую и определите фронт работ. Говорят же — раз приехал в Рион, докажи, что умеешь работать.

Вот такую картину и застал подъехавший где-то к обеду Роже — все усердно работали над артефактами, Леон рассказывал какие-то байки.

— У вас тут по-семейному, — заметил он. — Лишь бы Рами не ревновал, а с прочим разберёмся.

Он улыбался, но глаза его были серьёзными. Лучше бы наоборот.

— Мне тут босс газету на стол кинул, — сообщил он. — Короче, если не хочешь заниматься политикой, политика занимается тобой.

В газете была обведенная красным карандашом заметка.

Рионские дикари: вызов для столичной полиции.

Вчера в ресторане «Огни Куджара» двое сотрудников рионской корпорации Мануэля Хименеса подрались с представителями местного бизнес-клана Вилья. Как нам сообщил пресс-секретарь клана Роберто Вилья, молодые люди, родственники главы клана, всего лишь хотели познакомиться с сопровождавшими рионитов девушками. Но как известно, добавил господин Вилья, эти люди не имеют понятия о галантности.

Немногим ранее двое молодых гвардейцев, родом из Риона, устроили стрельбу в Вишнёвом переулке. Их непосредственный командир заявил, что они защищали офицера, на которого напали бандиты. По-видимому, в Рионе всё до сих пор решается уличным правом силы, и молодые люди просто не знали, что в столице достаточно вызвать полицию.

В связи с этим, обеспокоенные неравнодушные граждане задают вопрос: может ли столица чувствовать себя в безопасности, пока подобные люди свободно разгуливают по её улицам?

— Вторую историю я уже сегодня слышал, — заметил Леон. — Действительно, два молодых человека открыли стрельбу. Иначе бы Марка Стерлинга здесь просто не было, и нигде бы не было.

— Но что это было вообще? — спросила я.

— Эх. Учить тебя, хозяйка, и учить. Но ты же не такая наивная, как Эйб. Заказуха обыкновенная, вот и всё.

— Это первый залп? — спросил Марк.

— Босс тоже так оценил, — сказал Роже. — Но нет. Это пока пристрелка.

— Уверен?

— Кто на что учился…

— То есть настоящий залп…

— Ещё будет.

— Господин Хименес выдержит?

— Хотелось бы дать хотя бы зуб мудрости. Но воздержусь. Хотя шансы есть.

Марк опустил голову.

— Знаешь… Меня не учили с этим работать.

— Иногда надо учиться всю жизнь, — вздохнул Роже. — Я не говорю, что это приятно. Я тоже не знаю пока, что с этим делать. Опознать — это просто, а дальше?

— Хорошо, парни, — вмешался Леон, — я не военный, меня так, твари порвали. Но что положено делать, если это пристрелка?

— Понять откуда, — без запинки ответил Марк.

— В данном случае — понять, кому выгодно, — дополнил Роже.

— А дальше?

— Либо открыть огонь на упреждение, либо перегруппироваться, либо иным способом минимизировать риски.

Роже уселся в кресло.

— Мы подумали с Мануэлем. Поговорили с Генри. Пока так. Тебе понравится, Эланор.

Он направил свой артефакт связи на экран трансляций.

Возникло изображение.

Рами, красивый, уверенный, улыбчивый, с идеальной причёской.

— Господин Хименес, кем вы приходитесь Мануэлю Хименесу? — спрашивал журналист.

— Двоюродный брат, наши отцы — родные братья.

— Почему вы пошли служить?

— Я присягал Империи.

— Но ведь господин Хименес обычно платит за обучение своих юных родственников.

— Да, — улыбнулся Рами, — он мне, конечно же, предлагал. Но, понимаете, у меня сильный дар. И оставаться исключительно в семье для меня было бы, ну безответственно. Империя нуждается в сильных одарённых.

— А почему вы решили пойти именно в это подразделение гвардии?

— Именно это подразделение гвардии недавно спасло Рион. Я считаю себя обязанным.

— Господин Хименес, это правда, что вы в тот раз тоже участвовали в ликвидации прорыва?

— Да. Это была большая честь для меня, быть отобранным среди наиболее подготовленных городских добровольцев.

— Если случится что-то другое, что будет угрожать не Риону, а любому другому региону Империи, что вы будете делать?

— Я гвардеец. Я присягал. Я буду действовать согласно приказу. А как гражданин… я буду рад доказать, что умею защищать не только Рион.

— А что у вас там случилось в Вишнёвом переулке?

Рами смущённо улыбнулся, сделавшись совсем обворожительным.

— Понимаете… мы же в учебке. Нас тренируют. Нам велено защищать офицера даже ценой собственной жизни. И там было много бандитов. То есть как гражданин я обязан был вызвать полицию, но полиция могла не успеть, а как гвардеец я обязан был действовать самостоятельно.

— Вы боялись попасть под трибунал, если не сможете защитить офицера?

— Я об этом не думал. Я боялся, что офицера убьют.

— А что вы можете сказать об инциденте, в котором оказались замешаны служащие корпорации господина Хименеса и молодые люди из клана Вилья?

Рами недоумённо хлопнул глазами.

— Простите меня. Мы сейчас очень интенсивно тренируемся. И у меня мало информации. То есть, ну, я мог бы сказать что-то общее, типа наши сотрудники правы, или там наоборот, гости столицы должны вести себя уважительно, но ведь случиться могло что угодно, верно?

Запись закончилась.

— Ох и хитрюга, — засмеялась я.

— Да, Рами молодец, — согласился Роже. — Но запись ещё не вышла в эфир.

Он посмотрел на часы.

— Через два часа эфир. Я поеду к боссу. Что-то он нервный. А вы посмотрите, только вот что, имейте в виду: любой результат — это прежде всего информация. И именно она нам сейчас важна. Любая.

Роже положил артефакт связи в карман. Направился к выходу. Потом обернулся.

— Доброволец Кроу!

— Это вы меня, что ли, господин Дюбуа? — спросил Леон.

— Тебя. Как старшего. Не дай им тут плыть на эмоциях, если что. Я понимаю, что тут все… ну, почти все, — взрослые, и кое-какой опыт имеют, а некоторые несовершеннолетние иному взрослому фору дадут, но… в общем, проследи за порядком на базе.

Роже Дюбуа

— Кажется, тебе больше нравится вот то кресло.

Примерно так Мануэль в последнее время пресекал все мои попытки держаться официально.

И вроде всё объяснимо, но терпеть не могу быть любимчиком.

Хотя, конечно, на работе стало приятнее.

Особенно без вечных пикировок с Аугусто.

Мануэль больше не старался столкнуть безопасников лбами.

Новый начальник отдела внешней безопасности, Томас Фергюссон, всё время приходил ко мне советоваться.

Сотрудники корпорации становились чуть ли не по стойке смирно.

Хосе, которого я взял в свой отдел, смотрел как на божество (а божество всё ещё ломает голову, к чему бы его пристроить, парень обучен только драться, но телохранители мне не нужны, а держать взрослого человека в качестве мальчика на побегушках — неуважение к этому самому человеку).

В общем, объективно, сплошные плюсы.

Не считая чисто финансовых.

Мануэль решил, что я всё это делал ради него лично. И, кажется, привязался ко мне.

А я, если уже совсем откровенно, не готов сказать, что в моих действиях вовсе не было личного. При всём просчёте ситуации и необходимости выполнить задачу. Даже если это станет последним, что я сделаю. Защита босса собственной шкурой не входила в мой трудовой договор; я исходил из того, что Мануэль Хименес во главе клана — вполне рабочий вариант для Риона, а Аугусто Торрес — просто катастрофический. Но когда человек оказывается брошен теми, кому привык доверять, когда его собственная судьба выглядит достаточно страшной, а он требует воду и бутерброды для меня и толкается со мной на сцене, ломая сценарий убийц, — личное всё же включается.

На этот раз Мануэль явно нервничал. Хотя пытался выглядеть как обычно.

— Какой у тебя прогноз, Волкодав? — спросил он.

И мне почему-то не захотелось шутить.

Я рядом.

Сейчас, когда он дёргается.

Мне надо увидеть следующий ход.

Суметь понять: кто, с каким ресурсом, чего добивается, какими методами.

Слишком уж всё в последнее время хорошо, чтобы быть правдой.

Почти как озёра Саймонара: всё отлично, и действительно помогли, но кто-то не хочет тебя здесь видеть.

Но мне надо ещё и быть рядом с Мануэлем.

Понятно, работа.

Но, к сожалению, не только работа.

Новости начались.

Блок с Рами не показали.

Вместо этого появился министр кабинета министров — глава департамента порядка граф Эдмонд Стерлинг.

И интервью брал тот же самый журналист, который брал интервью у Рами.

— Господин Стерлинг, — начал он, — в последнее время в массмедиа слишком много внимания уделяют жителям Риона. Вы не можете сказать, насколько это объективно?

Стерлинг спокойно смотрел в объектив. Немного холодный, немного отстраненный, как и положено человеку, который стоит на страже порядка. Человеку, с которым связаны совершенно понятные ожидания спокойствия и стабильности.

— Понимаете, — начал он не спеша, — я бы пока не драматизировал ситуацию. Проблема, безусловно, есть, и она выходит за рамки обычного противоречия «провинция против столицы». У Риона есть определённые социально-культурные особенности, которых нет у других регионов Империи. И это наши граждане, причём, как правило, хорошие и лояльные граждане.

— То есть, речь идёт исключительно об естественном непонимании? — подхватил журналист.

Стерлинг грустно покачал головой.

— Если бы, молодой человек, если бы. Противоречия регионов всегда будут существовать, провинция будет всегда что-то иметь против столицы и наоборот, но Империя едина. Однако будет неправильным сказать, что Рион полностью вписывается в обычную картину. Вроде бы для провинциалов нормально быть шумными, задиристыми, временами нарушать правила. Но Риона в последнее время как-то больше, чем всех остальных вместе взятых: слишком шумны, слишком задиристы, слишком часто бросают вызов порядку. И слишком явно пытаются в случае чего выгораживать друг друга. Иногда создаётся ощущение не просто провинции, а какого-то замкнутого сообщества на месте провинции. Вдобавок…

Стерлинг сделал паузу, как бы не зная, стоит ли продолжать.

— Вы что-то недоговариваете, господин министр? — опять сделал свою подачу журналист.

— Понимаете, я сам ещё не уверен.

— Но ведь граждане должны знать… Пожалуйста, поделитесь вашими опасениями, господин министр.

— Хорошо, — медленно ответил Стерлинг. — Понимаете, Империи нужны одарённые. И Рион их поставляет, обучает, готовит для службы. Но именно в Рионе исключительно высока концентрация безродных одарённых. Учитывая высокую плотность промышленных объектов и связанные с этим аномалии, я предполагаю мутации большой части населения Риона. Повторяю, это предположение, это наши граждане, и в большинстве своём добропорядочные.

Мануэль выключил экран и посмотрел на меня.

— Не так давно на мой, извините, торс глазела вся корпорация, — не удержался я. — Вот этого самого безродного одарённого, который предположительно мутант. И ни на спине, ни на груди никто не узрел ни чешуи, ни шерсти, ни перьев. Хотя хорошая чешуя в тот момент бы не помешала.

— Не дурачься, Волкодав, — прервал меня Ману. — Что скажешь?

— Ровно то, что вы видели. На ловца и зверь с ружьём.

— В смысле?

— Ударил сразу же из самого крупного калибра. Теперь можно не гадать, кто за этим стоит, а перейти к решению следующих задач.

— Не разделяю твоего оптимизма, Волкодав, — вздохнул Мануэль. — Это не куча бандитов с садистом во главе. Это система.

— А я без оптимизма, — отрезал я. — И без пессимизма. Мне надо оценить обстановку, а не скатываться в эмоции.

— Обстановка — гнуснее не придумаешь.

— Не буду вас утешать, босс. Моё дело найти решение.

— Ты один. Ты не справишься.

— Вы забыли, босс. С нами Рион.

Мануэль горько усмехнулся.

— Рион, говоришь? Шахтёры, ремесленники, торговцы, аптекари, профессора, адвокаты… ничего не имею против адвокатов вообще и твоего уважаемого отца в частности, но народ — это всегда объект исторического процесса, а не субъект. Вот лично ты субъект, да. И я этого не забуду. Но ты не оцениваешь масштаб угрозы.

— Почему же не оцениваю? — возразил я. — Своим увечьем я обязан господину Стерлингу. Он распорядился так, мимоходом, для поддержания порядка. Возможно, получил от этого удовольствие, но точной информации об этом у меня нет, да и не так уж важно.

— То есть тебя кинули под блокираторы по приказу министра? Что же ты натворил?

— Ровно то же самое, что я и рассказывал на собеседовании. Вызвал на дуэль молодого аристократа, который наговорил мне лишнего.

Мануэль заметно помрачнел.

— И всё же ты не понимаешь, Волкодав. Человек, который не раздумывая помножил на ноль имперского аналитика, из тех, которые отчаянно нужны Империи и которых в итоге единицы, — сотрёт с карты неудобный регион и не поморщится. Просто следующий шаг.

— Так что же нам теперь, босс, — тихо и зло спросил я, — брать белую простыню и ползти на кладбище? Лично я не собираюсь.

Мануэль задумался. Потом кивнул в такт каким-то своим мыслям.

— Я тебя услышал, Дюбуа. Посмотрим, что можно сделать. Только ты сам не геройствуй. Я не хочу, чтобы ты убился. Свободен.

Глава 3

Эланор Кэмпбелл

Я передала Хорхе очередную партию артефактов.

На душе скребли кошки.

Передача с Рами в новостях так и не появилась, зато появился министр — глава департамента порядка. Всесильный столп Империи, представитель древнего рода, воплощённая надёжность и безопасность. Человек, приказавший убить собственного сына. Человек, который держит какого-то другого молодого родственника фактически на положении раба, а тот ещё и благодарит его за побои. Я где-то читала о злоупотреблении клятвой лояльности и думала, что это просто страшные сказки, но сказочники, скорее всего, были хорошо знакомы с людьми типа Стерлинга. И этот человек нацелился на Рион.

Да, конечно, была надежда, что Ману найдёт варианты, ну или Роже что-то придумает.

Или — ну не из одного же Стерлинга состоит власть.

Но я понимала, что Роже и так сделал невозможное, подавив путч в клане. И я видела, на каком пределе усилий это было сделано.

Роже тоже человек.

Умный, сильный — теперь, слава всем богам, наконец-то здоровый.

Но человек. Я видела его предел. И сверх предела. Но против таких, как Стерлинг, герои с мечом ничего не решают.

А парни, Алекс и Рами, как раз в Куджаре.

А мне всё равно надо делать свою работу.

Я задумалась о тех войнах, из которых родилась Империя, и о крестьянах, которые в это же время пахали землю, пасли скот, воспитывали детей, когда мир вокруг, казалось, разваливался на кусочки. И о ремесленниках, которые тоже делали своё дело, в то время как города переходили из рук в руки. Возможно, Империя выросла вовсе не из гордых красивых рыцарей, а именно из этих людей, которые просто оставались на своём месте и продолжали работать.

— Лан, — прервал мои мысли Хорхе, — ты посмотри, что в газете написано.

В газете был опубликован указ департамента порядка о приостановке деятельности общественных организаций Риона:

— шахтёрского клуба «Солидарность»;

— общества ветеранов пограничной службы;

— добровольного общества защиты промышленных объектов.

— Ты понимаешь, что это такое? — спросил Хорхе. — Это же всё организации, которые обычно работают на прорывах. Получается, департамент порядка хочет оставить Рион без защиты, если вдруг что-то случится?

— Но ведь шахтёры не могут работать на прорывах, — удивилась я. — Они же простые. Одарённые их обычно спасают.

— Шахтёрский клуб подаёт сигнал бедствия, обеспечивает эвакуацию, снабжает защитников Риона едой и питьевой водой. Да, они простые, им нельзя в прорыв, но они помогают. И, поверь, для этого тоже нужно мужество.

Я на мгновение задумалась.

— А может быть, дело вообще не в прорывах? — медленно произнесла я. — Это ведь просто большие группы людей, которые привыкли действовать вместе. Может быть, кто-то просто не хочет видеть рионитов организованными.

— Странно, что сегодняшний митинг не запретили, — вдруг вспомнил Хорхе. — Сегодня же день памяти погибших в прорывах.

И точно. Прорывов было много. Они сопровождали всю историю Риона. Только в последние пару-тройку десятилетий они прекратились, и то, чтобы возобновиться уже в последние месяцы. Да, в одном случае это была халатность, в другом — преступление, но ведь сама угроза-то всё время оставалась рядом.

— Может пойдём вместе? — предложил Хорхе. — Ты же знаешь, это касается нас всех. И мой брат будет теперь, случись что, сам идти в прорыв. И Рами тоже… Служба.

Центральная городская площадь — площадь Спасателей — была всего минутах в двадцати ходьбы от мастерской.

Мы пошли пешком.

Двое рабочих Хорхе присоединились к нам.

Хорхе не возражал.

На площади уже собрались люди, трибуна и сцена были готовы, на трибуне стояли отцы города и кто-то из политиков — Рион регулярно поставлял в имперский Совет Регионов депутатов из партии, контролируемой Ману. Никакие другие партии в регионе не приживались, и казалось, что они не очень-то и нужны.

На сцене стоял тот же самый модный певец, чьё выступление на празднике корпорации было прервано сначала сообщением о прорыве, а затем путчем. Я никогда не была суеверной, но стало не по себе.

Тем более что история повторялась.

Вплоть до того же старичка, который поднялся на сцену следом и в очередной раз спел хвалу гению Мануэля Хименеса.

Народ не очень слушал. Люди стояли мрачные и переглядывались. Кто-то спросил громким шёпотом:

— Они там, сверху, что? Совсем зажрались? Не видят, как всё летит к тварям?

Впрочем, оратор сменился. Появилось свежее лицо — молодой депутат имперского Совета Регионов Николас Моралес, старший брат нашего сокурсника Пако. Я с Пако никогда не имела дела, как и он со мной, но его попытку свидетельствовать на суде против Рами отлично помнила.

Николас начал бойко. Он всю жизнь строил карьеру на рионском патриотизме, умел говорить красиво и, кажется, был автором каких-то очень выгодных Риону законопроектов. Речь его состояла из восклицательных знаков, экскурсов в историю и непоколебимой уверенности, что наш Рион переживёт все временные трудности, будет высоко нести своё знамя, а наша славная корпорация стоит на страже и защищает честных граждан.

Народ стал шуметь ещё сильнее.

— Это же улица, — раздался в моей голове голос Леона. — Эх, как плохо. Улица чувствует беду, не знает, что делать, а власть не даёт ответа.

— Откуда ты знаешь? — мысленно спросила я.

— Лилиан одно время очень хотела в дипломаты. Или в политики. Авраам не очень одобрял, но накупил книжек. А читателем оказался я.

И тут я обратила внимание на молодого человека, который локтями пробивал дорогу к сцене.

Охрана не пускала его, а он рвался и просил слова.

— Это же Виктор Оуэн, — громко объявил Николас Моралес. — Мы же его знаем. Хороший честный рионит. Пропустите его.

— Ага, значит вот он какой, — пробормотал Хорхе.

— Ты его знаешь? — удивилась я.

— Слышал. Он был пару лет в городском совете. От гильдии рекламщиков. У него неплохое агентство. А так, кто говорит, он был вечно против всех и всего, а кто говорит — славный честный парень с обострённым чувством справедливости.

Виктор Оуэн уже стоял у микрофона. Симпатичный, с открытым лицом.

— Земляки! Рионитy! — начал он. — Вы видите, что происходит. Куджар ликвидирует жизненно важные для Риона общественные организации. Наша местная власть молчит. Наверно, потому, что не чувствует нашу поддержку. Станем же живым щитом у городской ратуши и корпорации Хименеса. Народ должен взять свою судьбу в свои руки!

И тут же площадь забурлила.

— Постойте, так нельзя! — закричал старичок.

— Кому ты нужен, трепло! — заорал здоровенный шахтёр. — Брысь отсюда!

Толпа разделилась.

Часть осталась стоять на площади, часть пошла к ратуше, часть — к зданию корпорации.

— Идём отсюда, — предложил Хорхе. — Не нравится мне это.

— Но ведь эти люди не делают ничего плохого, — возразила я.

— Не делают, и ни в чём не виноваты. Но хуже, что они не знают, что делают на самом деле, — вмешался каким-то образом столкнувшийся с нами Баррис Мэрфи.

— Но что же теперь? — спросила я.

— Я видел одну возможность затушить пожар. Не сомневаюсь, что щит Риона тоже её увидел. Но политики спутали карты. Идём, дети мои, мы увидели всё, что следовало.

Роже Дюбуа

— А потом спецнаряд имперской полиции арестовал Оуэна, — рассказывал Николас Моралес. — Но ничего не остановилось.

— И что мы имеем? — сухо спросил Мануэль Хименес.

— Люди стоят достаточно смирно, и те, кто ходит по городу, тоже ведут себя смирно. Ничего не громят.

— Если они ведут себя спокойно, их будет легко успокоить, верно? — снова задал вопрос Ману.

— Не вижу проблемы.

— Ну что ж, составляем петицию к Императору, докладную в Совет Регионов и докладную в департамент порядка. У нас всё под контролем, мы делаем всё возможное, но для успокоения лояльных граждан Риона надо отменить запрет общественных организаций и прекратить травлю Риона в прессе. Понял? Иди работай.

Николас вышел.

Мануэль внимательно посмотрел на меня.

— Чем ты недоволен, Волкодав?

— Вот не скажете ли мне, босс, — начал я, стараясь придать своему голосу холодный равнодушный оттенок, — это вы предложили своим политиканам такой интересный способ пробуждения активности снизу, это их собственная инициатива или, так сказать, само?

— Само, — быстро ответил Мануэль. — А что я мог сделать? Буду сопротивляться лично — сожрут и не подавятся. А если это народ, и я знаю, как это всё прекратить, они вынуждены будут со мной договариваться.

— Или сожрут вместе с народом и опять-таки не подавятся, — я всё ещё надеялся, что держу лицо.

— А что надо было?

— Например, спросить у меня. Я целый день торчу в офисе как приклеенный.

— Это политика, Волкодав! — воскликнул Мануэль. — Это тебе не с мечом бегать.

— А вы меня покупали для того, чтобы я с мечом бегал? — холодно парировал я. — Вы покупали имперского аналитика. Человек в моём возрасте может оказаться на рынке труда по двум причинам — или особенности характера, или травма; впрочем, нас столько раз проверяют перед обучением, что первое маловероятно. И вам было всё равно, в чём именно заключается моя травма. Вы бы согласились и на урода, я не лицо корпорации. Вам нужна была моя голова. И теперь, когда она особенно нужна, вы начинаете совещаться с политиканами.

Мануэль смотрел на меня во все глаза.

— Не ожидал от тебя, — произнёс он наконец.

— Я сам от себя не ожидал, — признался я. — Но и от вас тоже. Представьте себе, что с вами не собираются договариваться. Ведь не исключено? Что тогда?

Мануэль опустил голову, потом опять поднял.

— Если это буду не я, а народ, то мне удастся хотя бы спасти себя и корпорацию, — гордо сказал он. — Потому что нет нас — нет Риона.

— Это вы загнули, босс, — усмехнулся я. — Сколько вам лет? Сорок? А сколько Риону? А я ещё младше, и без меня Рион тоже как-то жил, и жить будет.

— Ты несколько раз предотвращал крупные кризисы, — напомнил Мануэль. — Ты рисковал жизнью из-за меня. Я не мог допустить, что ты убьёшься на задаче, которую проще доверить политикам.

Я прошёлся по кабинету. Какая тут, к тварям, субординация.

— Никого не беспокоило, — сказал я, — что человек, который не мог удержать магомеч, полез в разрыв с одним арбалетом. Не оттого, что ему так нравилось, а из-за системной халатности ответственной за это службы. Спасибо вашему кузену Рами, я вышел оттуда. Никого не беспокоило, что вы, уже получив сигнал о ненадёжности начальника службы внешней безопасности, — нет, хуже, о его некомпетентности, — оставили всё как есть, и город получил прорыв, а мы оба — очень весело провели время.

Я с некоторым злорадством покосился на побледневшего Мануэля и добавил:

— Сколько именно времени, я не считал, было не до того. А вот сейчас вам надо было непременно подставить город. Якобы из страха, что я убьюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.